

Шедяков В.Е.

Метаморфозы концептуальной власти под влиянием исторических вызовов постглобализма и сетецентризма медиапространства

Концептуальна влада розглядається з точки зору визначення дії/бездіяльності на рівні ментальних матриць, оперування культурно-цивілізаційними кодами. Метаморфози концептуальної влади вивчаються в контексті традиційних, модерних і постмодерних ресурсно-методологічних баз, що дають змогу задати і підтримувати вектор парадигмальних трансформацій, забезпечити ефективне проведення реформатування суспільної свідомості і життя. При цьому аналізується роль соціального рівня і соціокультурного змістового наповнення підтримки балансу стійкості і розвитку, загального і своєрідного, ритмічного і безповоротного, суб'єктивного й об'єктивного у співвідношенні прогресу і регресу суспільства.

Ключові слова: концептуальна влада, соціальна інженерія, парадигмальні зміни, стимулювання трансформацій.

Концептуальная власть рассматривается с точки зрения определения действия/бездействия на уровне ментальных матриц, оперирования культурно-цивилизационными кодами. Метаморфозы концептуальной власти изучаются в контексте традиционных, модерных и постмодерных ресурсно-методологических баз, позволяющих задать и поддерживать вектор парадигмальных трансформаций, обеспечить эффективное проведение реформ-

матирования общественного сознания и жизни. При этом анализируется роль социального уровня и социокультурного содержания средств поддержания баланса устойчивости и развития, общего и своеобразного, ритмичного и безвозвратного, субъективного и объективного в соотношении прогресса и регресса общества.

Ключевые слова: концептуальная власть, социальная инженерия, парадигмальные изменения, стимулирование трансформаций.

Conceptual power is considered from the point of view of the definition of action/inaction at the level of mental matrices, the operation of cultural and civilizational codes. Metamorphoses of conceptual power are studied in the context of traditional, modern and postmodern resource-methodological bases that allow setting and maintaining a vector of paradigmatic transformations, to ensure effective reformatting of public consciousness and life. At the same time, the role of the social level and of the socio-cultural content of the means for maintaining a balance of sustainability and development, general and peculiar, rhythmic and irrevocable, subjective and objective in the ratio of progress and regress of society is analysed.

Key words: Conceptual power, social engineering, paradigm changes, stimulation of transformations.

УДК 1.000.165.6

Шедяков В.Е.,
доктор социологических наук,
независимый исследователь

Весомое значение для результатов общественных трансформаций имеет умение своевременно найти и поддержать баланс стратегии и тактики в проведении преобразований; выделить, поддержать и распространить ростки нового; убрать препоны на пути эффективных тенденций [1–5].

Изучение продуктивных воздействий в этом ключе велось издревле – в направлениях как военной, так и политико-экономической составляющей. К этому добавился пласт разработок организационных миссий, корпоративных стратегий и научных парадигмальных трансформаций. В частности, исследование динамики ресурсно-методологических баз развития концептуальной власти опирается на исследования А. Аверьянова, Н. Автономова, И. и К. Аксаковых, Р. Арона, А. Ахизера, А. Ачлея, И. Барыгина, Р. Барта, Ю. Батурина, Л. Беляевой, С. Бира, П. Бьюкенена, Ф. Бэкона, Н. Данилевского, Дж. Варбурга, В. Вазулина, В. Васильковой, М. Вебера, А. Воеводина, Дж. Гилдера, А. Дегтярева, У. Денниса, В. Ефимова, С. Жирарди, Д. Зеркалова, В. Зомбарта, Л. Ионина, Д. Калаича, М. Калашникова, А. Камю, Э. Канетти, Я. Кедми, А. Кляйнкнехта, Н. Козловой, Н. Кондратьева, Ю. Красина, Е. Кузнецова, Т. Куна, Н. Лапина, Л. Ларуша, Г. Лассуэлла, У. Мак-

калока, С. Матвеева, Дж. Овертона, Е. Осиповой, Т. Парсонса, К. Петрова, В. Подороги, К. Поппера, Б. Рассела, Ж.-П. Сартра, Р. Семенова, Ю. Соколова, А. Солдаткиной, А. Тойнби, Г. Ферстера, К. Фримена, М. Фуко, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, И. Черниковой, А. Чижевского, П. Швейцера, Дж. Шмуклера, О. Шпенглера, Й. Шумпетера, Р. Эшби, Ф. Энгдаля; применительно к особенностям III тысячелетия – в понимании А. Бузгалина, О. Буториной, И. Валлерстайна, Дж. Гэлбрэйта, Ф. Гваттари, Д. Данилова, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Д. Джангирова, А. Зиновьева, В. Иноземцева, М. Кастельса, А. Колганова, Е. Копатько, А. Кравченко, Дж. Курта, А. Левцуна, Ж.-Ф. Лиотара, Н. Луманна, Н. Паниной, А. Печчеи, Н. Поляковой, Т. Сакайи, Н. Силаева, А. Сушенцова, С. Уралова, В. Федотовой, Л. Филинской, Ж. Фреско, А. Фурсова, Й. Хейзинги, Н. Шульги, А. Этциони.

Вместе с тем, социально-политическая среда преобразований обогащает модели высокоспецифичными чертами, достойными специального обобщения. Так, в частности, целью статьи является аккумуляция авторских позиций в вопросах осуществления концептуальной власти под влиянием исторических тенденций трансформаций медиапространства.

Концептуальная власть позволяет определять действие/бездействие на уровне ментальных матриц, оперирования культурно-цивилизационными кодами. Её выпуклым проявлением становится умение задать и поддерживать вектор парадигмальных трансформаций, обеспечить эффективное проведение переформатирования общественного сознания и жизни. Субъектность перемен часто предопределяет их направленность, темпы, характер, влияет на то, в чьих интересах они будут осуществляться. А при переформатировании как трансформациях парадигмального уровня особенно важно удержать баланс между устойчивостью базовых структур и формообразованием, способным обеспечить приспособление к новым тенденциям и процессам изменения среды. Опасными могут стать как попытки превращения (индивидуального и социального) в элемент иного культурно-цивилизационного мира с утратой собственной самобытности, так и реставрации устаревших форм, неэффективных в новых условиях. Таким образом, её осуществление в социальной инженерии предполагает слияние науки, искусства и ремесла продуктивного применения коллективного бессознательного и общественного сознания, психологии и идеологии развития (в частности перемен), выделения управляемых, самоуправляемых и неуправляемых процессов [6–10]. Ренессанс общекультурных оснований – обязательное условие создания целостного общественного развития: как человек, так и общество, и его экономика – явления органические, а не механические, их невозможно понять, предсказать или изменить исключительно в терминах эгоистического выбора. В частности, этическая база материально-экономических отношений охватывает не только прежние (в том числе религиозные и иерархические) ценности, но и новые, связанные с критическим взглядом на «технологическое рабство» и производственный императив жизни, с ориентацией на гармоничность труда и самостоятельность выбора деятельности, её места и времени. Так, суверенитет прямо связан с достоинством, самоценностью, самодостаточностью, гордостью, институциональной памятью и базовыми ценностно-смысловыми комплексами культурно-цивилизационного мира, роль которых неизмеримо возрастает с усилением тенденций постглобализма. Умение защищать и выращивать свои исторические решения, оберегая их от воздействия конкурентов, характеризует творческие инновационные модели, в отличие от имитационно-заимствованных. Эффективной формой поддержания вектора и структуры перемен является становление своего общественного Сверхпроекта. Характер общественного Сверхпроекта программирует политическую жизнь, но сам он может быть ориентирован либо на «прагматичные» ценности и цементировать общественную поддержку мещан-

ски-потребительскому социально-политическому поведению, либо на высокие ценности-идеалы с высвобождением ценностей творчества [11–14]. Между тем, для сохранения нынешней структуры рынков постсовременный глобальный и национальный олигархат заинтересован не столько в производителях, сколько в потребителях. Соответствующие жизненные стандарты необременительного времяпрепровождения, удовольствий и расслабленного ожидания разнообразного «чуда» агрессивно навязываются новым поколениям. Одновременно у «хозяев жизни» с детства формируется мировоззрение эгоцентризма с незнанием (и не желанием знать) условий жизни народа, использованием патриотической риторики исключительно как средства прикрытия бизнес-интересов и карьерных целей. Деление на анклавные учёбы, проживания, жизнедеятельности противостоящих групп становится настолько отчётливым, что напоминает классические «две нации». Наследуемая собственность, родственное переплетение кланов, избирательность в применении норм права фиксирует этот раскол общества.

Ойкумена сталкивается с новыми вызовами исторического уровня, трансформирующими как приоритеты общественного развития и безопасности, так и акценты в осуществлении партнерства и конкуренции между культурно-цивилизационными мирами. Разумеется, условное преобладание какого-либо из культурно-цивилизационных миров в определённый момент вовсе не означает его большей потенциальной ценности для всей ойкумены, как и павшие в конкуренции зачастую таили спасительные для человечества возможности. Порой может показаться, будто бы проще скопировать кого-либо, чем создавать самому. Так, вроде легче заниматься сервисизацией существующих центров, нежели бороться за самостоятельное производство и реальный экономический суверенитет. Может представляться, что быстрее разместить у себя узлы иностранных линий, чем кропотливо совершенствовать свое. Однако обеспечение долговременного и устойчивого развития требует создания своих хозяйственных и общественных опор, ныне приоритетно связанных с поддержанием как стимулирующей среды, так и кластеров роста, поиском путей решения противоречия между объективной потребностью в культивировании творческой одаренности (прежде всего, духовной) и «оттоком мозгов» в направлении наиболее благополучных регионов ойкумены. Соответственно, растёт звучание принципов меритократии, увеличивается роль научно-образовательно-производственных кластеров, центральной фигурой которой становится приглашаемый/приглашённый научный консультант-эксперт по решению конкретного спектра вопросов как представитель экспертного сообщества, определённой

школы академической и прикладной науки [15–18]. Ныне экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках predetermined рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животной вещной репродукции. Место общественной предрасположенности к отчужденному канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. Противоречие родовых сил разворачивается в социальные конфликты, вызывая варианты сублимации.

Ойкумена проходила традиционные, современные и постмодерные модели реализации концептуальной власти. В частности, разновидности постмодерных моделей базируются на приоритетном высвобождении созидательных сил постглобализма, усилении сетевого (сетевидного) характера социокультурной среды и росте роли информационной сферы конкуренции. Вместе с тем, создание программы политической жизни ресурсами общественного стратегического дизайна коррелирует с особенностями постсовременности как моделей и практик формирования черновика будущего, создания его замысла и выявления намерения [19–25]. Вместе с тем, по результатам избирательных кампаний в 2016–2017 гг. в ряде стран можно судить о том, что:

- прежнее поколение политиков зачастую не в состоянии предложить эффективные пути решения наиболее остро стоящих проблем;

- на место противостояния «правых» и «левых» идеологий исподволь приходит столкновение глобалистских и антиглобалистских подходов, истеблишмента и народа, политического авангарда и глубинки;

- утрачивает своё значение формальная ответственность к определённой партии и роль карьеры партийного функционера;

- возрастает роль баланса между органами и ветвями власти, а также контроля за ней со стороны народа и журналистского корпуса.

Эклектичность же и избирательность, как черты постмодерной культуры, мультиплицируют возможности новых СМИ сетевого общества, формирующих новые черты сравнительно с масс-медиа, что меняет акценты в обеспечении их применения, усиливая предпосылки изменения управления в направлении гибкости концептуальной власти на основе социокультурных доминант.

Переход в постглобальной социальной инженерии к сетевым основаниям свободы и логике

постсовременности, логике свободы являются одновременно отказом от единства любого базиса развития и утверждения всеобщности плюрализма. Нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Когда же нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда следует быть терпимым ко всему, признавать право на существование непохожего и неприемлемого. Здесь есть место для культурно-цивилизационных миров на основе любых производительных ценностно-смысловых основ; бывшие лидеры модерна не более успешны в условиях логики постмодерна, нежели прочие. Вместе с тем печально для всякой страны, если, не умея опереться на собственный потенциал, она и не входит органично в какой-либо из центров силы, и не в состоянии заинтересовать в себе ни один из них, обрекая себя на участь ресурсного донора. И если ранее, зачастую, на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то теперь этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. Соответственно, вопрос распространения социально ответственного поведения приобретает кардинальное значение. Социально-политический регресс – индивидуальная редукция до звериных инстинктов и общественная атомизация – стимулируются средой, ориентирующей на потребительство и накопительство, отвергающей сущностные силы человека в пользу фетишизации вещей и капитала. Соответственно, аккумуляция/социализация формирует две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (часто с присоединением к ценностям успешной в данный период истории).

При этом некоторые из ценностных и поведенческих иерархий могут не соответствовать канонам внешнего восприятия. Обретение образом смысла, включение в социокультурное пространство становится осознанным личностным выбором, становлением как гражданственности, так и общественных отношений (социальности, социальной ткани, социокультурного капитала, etc.). Заведомая ресурсно-методологическая плюральность постсовременности (от постмодерной культуры до постиндустриальных производственных отношений) предполагает преодоление обязательности канонов и штампов, появление и реализацию подлинной свободы выбора для каждого, от директивного принуждения к стимулированию желательных трансформаций для общества. Инакомыслие – отнюдь не умысел на государственное преступление, а творческий ресурс развития, расширение потенциала решений. Напротив, лояльность и сервильность – вовсе не основание для попустительства любому антисоциальному деянию. В основание социокультурного капитала вхо-

дит и упрочится осознание своей принадлежности к определённому кругу устойчивых социальных отношений и группам онлайн-идентичности создаётся на базе социокультурных сетей. Место форм личностной зависимости в традиционном обществе и зависимости товарной (принимающей всеобщий вид в денежной форме) занимают особенности сетевых ризомичных отношений. Вместе с тем, социальная система завершает социально-личностную эпоху, тогда как несистемная социальная общность открывает индивидуально-психологическую. В период трансформации общества их черты накладываются и пересекаются. Напротив, нисхождение до шаблонов «культурной жвачки», культивирование социального инфантилизма и единомыслия – один из опаснейших рудиментов эгалитаризма. Простенькая культура обкрадывает смысл отношений, доступность вообще лишает смысла. При этом самое глубокое неравенство – неравенство талантов, прежде всего, в создании смыслов, восприятии и интерпретации. Однако само наличие общественной среды квазидемократических социально-политических образований, с одной стороны, позволяет их правящим и оппозиционным элитам за внешними формами скрывать отличное от них содержание, но, с другой, делает их уязвимыми к воздействиям под лозунгами реализации декларируемых ценностей. Вместе с тем, как показывает практика, меры информационного давления эффективно дополняются всё теми же силовыми акциями (зачастую, оправдаваемыми предложениями, которые позже признаются ошибочными). Разумеется, без экономической мощи страны невозможно долговременно обеспечить возможность принимать решения в своих интересах и предотвратить превращение в лимитрофа, обслуживающего достижение чужих целей. Сегодня это требует фундамента в виде экономики знаний и акцента на передовых технологических укладах.

Повышение значения демократических процедур предопределяет динамику концептуальной власти в направлении социального уровня воздействия, а ризомический характер изменений требует укрепления социокультурного остова социума. Культура же состоит из совокупности материальных и духовных ценностей, где мириады социокультурных стилистик сведены на основе своих базовых ценностно-смысловых комплексов в культурно-цивилизационные миры. Соотношение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивиде и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании/творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродуцировании/раз-

множении. Звериное начало искушают сытостью, человеческое – справедливостью в обеспечении реализации идеалов свободы, равенства и братства. И путь реформ – направление укрепления собственно человеческого начала в обществе, соответственно, очеловечивания общественной жизни, гуманизации социально-политических и социально-экономических отношений. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, а новые горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала каждого. Вместе с тем, идеалы Красоты, Добра, Истины не только формируют представления и установки, но и выводят за пределы актуальной жизни. Причём разворачивание виртуальных реальностей повышает арсенал обоюдного давления при взаимопереходах виртуального и реального, одухотворении материального и материализации духовного. Между тем, оценка реального происходит в сравнении его с идеальным. Идеалы общественных справедливости, свободы и равенства преломляются сквозь представления каждого культурно-цивилизационного мира, сконцентрированные в его базовых ценностно-смысловых комплексах. Баланс реализма и символики в тексте чутко отражает как общемировые процессы, так и динамику событий внутри культурно-цивилизационного мира, продолжая оставаться важнейшим ресурсом социально-политической идентификации/самоидентификации. Институциональная память оказывает особенно заметное влияние на исторический выбор в точке бифуркации.

Качество стратегического управления – важнейший фактор конкуренции не только микроэкономических субъектов хозяйствования, но и культурно-цивилизационных миров. Факты общественной жизни мерцают в субъективности их смысловой интерпретации. Сборка событий в тенденцию во многом характеризует ожидания аналитика/комментатора, осуществляясь под определяющим воздействием мировоззрения. Взаимодействие культурно-цивилизационных миров всегда включало элементы конкуренции и партнёрства, соотношение которых позволяло констатировать большую/меньшую комплиментарность, притяжение/отталкивание [26–33]. При этом переживают свои жизненные циклы культурно-цивилизационные миры отнюдь не синхронно. Разумеется, как условное преобладание какого-либо из них в определённый момент вовсе не означает его большей потенциальной ценности для развития всей ойкумены, так и проигравшие в исторической конкуренции зачастую таили спасительные для человечества возможности повышения качества жизни и создания условий для творческого раскрытия одарённости.

Конкуренция между культурно-цивилизационными мирами втягивает в себя все виды социально-экономических отношений, а её процесс и результаты существенно зависят от развития и использования человеческого фактора, структура которого различна для условий производства, экономики и всего общества, уровней глобального, региональных и национального, условий стабильности и переходности (особенно парадигмальной) [34–39]. Постглобальное состояние ойкумены не только рождает феномен «гиперконкуренции» с широким ассортиментом экономических и внеэкономических методов, но и акцентирует её роль в обеспечении своей идентичности. В условиях же парадигмальных трансформаций распространение ожиданий «лёгкого хлеба» особенно пагубно. Надо создавать, а не посредничать, трудиться, а не выпрашивать или вымогать. Модели «общества-моста» и «экономики обслуживания глобальных игроков» не обеспечивают экономического суверенитета как возможности принимать стратегические решения в собственных интересах, не поддерживают самооценности и самоуважения.

Как известно, у эпох разные камертоны. И с изменением условий выживает тот, кто готов и сможет использовать новые тенденции в свою пользу. Ярчайшее проявление инфантилизма – неготовность мириться с несовершенством мира: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». Нет смысла изощряться в украшении парусников, когда на горизонте грозят дредноуты. От инфантилизма же – и готовность обострения ради очередной конструкции идеала, бескомпромиссной победы. Тем более, ради кланово-семейной прибыли. Совершенным может быть только несбывшееся, неосуществлённое: оно не обременено червоточинной реальности и оставляет надежду на идеалы в будущем. Основная проблема (отделение незаменимого и заменяемо-волнообразного, уникального и стандартного) – в стратегии, тактике и оперативке преобразований. Времена сжатых трансформаций включают осуществление кардинальных, парадигмальных скачков. Таковым стало, например, порождение человека и формирование им культурно-цивилизационных миров. Сейчас человечество вошло в очередной период открытия для себя новых горизонтов жизнеустройства и социокультурного порядка, механизмов обеспечения безопасности и развития ойкумены. При этом, с одной стороны, альтернативы слишком радикальны, с другой, – и слабые воздействия в точке бифуркации могут оказаться решающими. Особое место в детерминации ритмичности и аритмичности, цикличности и направленности развития социохозяйственных целостностей занимает селективность как форма избирательного взаимодействия. Под избирательностью понимается выбор такого движения, которое обеспе-

чивает устойчивость в изменяющихся условиях с учетом внутренней и внешней специфики. При постсовременности в эволюции возрастает давление факторов неэкономических, недирижерских, «тихих», а информационная конкуренция, в свою очередь, выступает определяющим результатом условием диалога культурно-цивилизационных миров. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума, так же, как и ресурсы её воплощения: культура, идеология, наука. Разумеется, торможение назревших изменений таит угрозу деградации общества, его производительных сил. Но верно и другое. «Победоносные», кровоеобильные и воинственные революции часто грешили столь значительным перенапряжением народа, что за их стремительным продвижением следовал радикальный откат и резкое усиление тенденций дестабилизации (и дезинтеграции). Внешне же неэффективные (зато эффективные) «компромиссные» модели обеспечивали плавную преемственность исторических процессов и консенсус. Вместе с тем, диалектика погруженности/отстраненности в восприятии действительности и её интерпретаций и направленное их распространение (как индивидуальное, так и социальное) резко расширяет диапазон возможностей информационного манипулирования/контрманипулирования. Соответственно, при модернизации «другой Европы» возрастает как роль субъектности изменений, так и мощь косвенного воздействия, не прямых действий, мягкой силы, гибкой власти и т.п. в реализации соскальзывания общества соответственно приближению центра «окна Овертона» при стимулировании желательных трансформаций.

В итоге, концептуальная власть позволяет определять действие/бездействие на уровне ментальных матриц, оперирования культурно-цивилизационными кодами. Её выпуклым проявлением становится умение задать и поддерживать вектор парадигмальных трансформаций, обеспечить эффективное проведение реформирования общественного сознания и жизни. Субъектность перемен часто предопределяет их направленность, темпы, характер, влияет на то, в чьих интересах они будут осуществляться. А при реформировании как трансформациях парадигмального уровня особенно важно удерживать баланс между устойчивостью базовых структур и формообразованием, способным обеспечить приспособление к новым тенденциям и процессам изменения среды. Таким образом, для концептуальной власти кардинально важна материальная и духовная культура как целостность базовых ценностно-смысловых комплексов, устойчивость и развитие

которой призвана обеспечить череда Сверхпроектов культурно-цивилизационного мира.

Народ, осознавший свою самобытность и её ценность, способен на историческое творчество как по существу, так и по социально-политической форме. Но для этого необходимо создание условий для создания как точек развития, способных запустить цепную реакцию благотворных перемен, так и стимулирующей желательные трансформации общественной среды. Соответственно, своеобразный социально-экономический фронт нашего времени (как в научной теории, так и на практике) непосредственно требует освоения инструментария этих общественно значимых инноваций, культивирования перспективных «привоев» и «подвоев», несущих потенциал положительных мутаций.

Достижение стратегическим управлением соответствия возможностям и рискам «умного общества» требует институционального упрочения социально-экономических структур развития, коррекции отношений на осях «общество–государство–бизнес» и «человек–культурно-цивилизационный мир», формируя объективный запрос на соборность как качество и уровень взаимодействия. Характер стратегического управления для обеспечения этого приобретает кардинальное значение. Выход за границы прежнего «коридора свободы» может обернуться не только прорывом к позитивным постиндустриальным перспективам, но и возвращением к социальному каннибализму и варварству. Эмоциональные же аспекты при принятии и реализации стратегических решений тесно связаны как с характером общественного бессознательного, так и с состоянием общественных психологии и идеологии: «Вера рождает надежду. Надежда рождает дух. Дух ведёт в будущее». С одной стороны, новая эпоха создает условия для разворачивания свободы, разнообразия, полилога; с другой, если отпущенные временем возможности не найдут отражения в стратегическом управлении, будет лимитировано последующее развитие.

Это позволяет поддерживать баланс устойчивости и развития, закономерно общего и уникально своеобразного, повторяемо-ритмичного и неповторимо-безвозвратного, субъективного и объективного в соотношении прогресса и регресса общества.

Предпосылкой для осуществления чего выступает, в частности, слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в развитии и осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики.

Приоритетно необходим динамический учёт состояния и трансформаций информационной инфраструктуры (своей и заинтересованных геостратегических субъектов), поддержание баланса стратегии, тактики и оператики преобразований, инициирование сценариев, позволяющих использовать глобальные и региональные тенденции для оптимизации поведения относительно перспектив, возможностей, угроз, позитивных и негативных рисков.

Потому дальнейшее научное освоение этого явления предполагает, по нашему мнению, акцент на наиболее плодотворных в нынешних обстоятельствах направлениях организационно-управленческого влияния на происходящее для оптимизации осуществления желательных изменений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Hayek F. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism / F. Hayek. – Ed by W. W. Bartley, III. 1988. – 194 p.
2. Поппер К. Нищета историцизма / К. Поппер. – М. : Прогресс, 1993. – 187 с.
3. Шедяков В. Грёзы дремлющей Европы / В. Шедяков // Бизнес Информ. – 1995. – № 13–14. – С. 8–10.
4. Шедяков В. Искусство власти и власть искусства / В. Шедяков // Журналист. – 1998. – № 12. – С. 8.
5. Шедяков В. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира / В. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.
6. Уледов А. Общественная психология и идеология / А. Уледов. – М. : Мысль, 1985. – 268 с.
7. Власть: Очерки современной политической философии Запада / В. Мшвениерадзе, И. Кравченко, Е. Осипова [и др.]. – М. : Наука, 1989. – 328 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2004. – 669 с.
9. Шедяков В. Стратегічна конкуренція макро-регіонів і стимулювання бажаних трансформацій / В. Шедяков // Віче. – 2012. – № 22 (331). – С. 30–32.
10. Шедяков В. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов / В. Шедяков // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2016. – Вип. 12. – С. 148–152.
11. Шедяков В. Формування нового проекту розвитку суспільства та збереження ідентичності народу, його базових цінностей / В. Шедяков // Політологічний вісник : На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. – Вип. 54. – С. 221–231.
12. Шедяков В. Public Relations информационной эры: использование постсовременных социально-политических коммуникаций / В. Шедяков // Наукові праці : Науково-методичний журнал. – Вип. 246. – Т. 258. Соціологія. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2015. – С. 14–21.
13. Шедяков В. Стратегічне управління процесами постсучасних трансформацій за допомогою

- інформаційних впливів соціально-політичного рівня / В. Шедяков // Вісник Дніпропетровського ун-ту. Серія Філософія Соціологія Політологія. – 2015. – (23) 1 №. – С. 248–259.
14. Шедяков В. Взаимосвязь фундаментального и актуального уровней в осуществлении устойчивого социально-экономического развития / В. Шедяков // Развитие экономики Украины: трансформации та інновації / заг. ред. О. Гальцової : у 2 т. – Запоріжжя : Гельветика, 2017. – Т. 2. – С. 34–48.
15. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
16. Шедяков В. Робота з реальністю при організації міжсистемних інформаційних потоків / В. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2011. – № 4 (49). – С. 37–45.
17. Шедяков В. Трансформации общественной жизни и язык науки / В. Шедяков // Наукові пошуки у III тисячолітті: соціальний, правовий, економічний та гуманітарний виміри: Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. – Кіровоград, 2016. – С. 172–174.
18. Шедяков В. Экономическое мышление за пределами либерализма / В. Шедяков // Содружество. – 2016. – № 5. – С. 90–94.
19. Параг Х. Как управлять миром. Власть в XXI веке. Кому она будет принадлежать? / Х. Параг. – М. : Астрель, 2012. – 320 с.
20. Шедяков В. Технології соціального управління в практиці постсучасності / В. Шедяков // Соціальна психологія. – 2008. – № 6 (32). – С. 25–34.
21. Шедяков В. Постглобализм как социально-экономическое явление / В. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 4 (3). – С. 104–114 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [journal-ruhis.com>uploads>2016/10](http://journal-ruhis.com/uploads/2016/10).
22. Шедяков В. Изменения медийного пространства в стратегии сетецентрического воздействия / В. Шедяков // Суспільні науки: сучасні тенденції та фактори розвитку: матер. Міжнар. наук.-практ. конф. – Одеса, 2016. – С. 110–114.
23. Шедяков В. Ресурсний потенціал методології: піар в соціальному просторі / В. Шедяков // Розбудова іміджу інститутів сектору безпеки України: *vigibus unitis*. – К.; Женева; Луганськ : Янтар, 2013. – С. 76–117.
24. Шедяков В. Стратегічна конкуренція та якість інформаційного діалог/ В. Шедяков у // Вісник Одеського національного ун-ту. – 2013. – Т. 18. – Вип. 1 (17). Соціологія і політичні науки. – С. 9–17.
25. Шедяков В. Формирование умного общества и расширение оснований контрманипулятивных практик / В. Шедяков // Час вибору: виклики інформаційної епохи / Заг. ред. О. Івакіна, Д. Яковлева. – Одеса : Гельветика, 2016. – С. 196–216.
26. Арон Р. Мир и война между народами / Р. Арон. ; Пер. с фр. – М. : Nota Bene. 2000. – 879 с.
27. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
28. Ачлей А. Битва глобальных проектов : в 3 ч. / А. Ачлей. – М. : Волант, 2011. – Ч. 1. – 240 с.; Ч. 2. – 240 с.; Ч. 3. – 320 с.
29. Тойнби А. Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
30. Переслегин С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / С. Переслегин. – М. : АСТ: АСТ-МОСКВА; СПб. : Terra Fantastica, 2009. – 701 с.
31. Солдаткіна Г. Сектор ІКТ України як об'єкт стратегічного планування / Г. Солдаткіна // Економіст. – 2015. – № 10. – С. 39–42.
32. Филиппов А. Советники суверена // Апология. – 2005. – № 1. – С. 102–111.
33. Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/proza/zinowxew/zapad.txt>.
34. Данилевский Н. Россия и Европа / Н. Данилевский. – М. : TERRA, 2008. – 704 с.
35. Шедяков В. Парадигмальний перехід в теорії і на практиці: стратегічний дизайн форсированих трансформацій / В. Шедяков // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. – Сер. Економічні науки. – 2017. – Вип. 23. – Частина 1. – С. 54–58.
36. Шедяков В. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации / В. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50–73.
37. Шедяков В. Постмодернізація трудових відносин як об'єкт соціального управління : автореф. дис. ... докт. соціол. наук / В. Шедяков. – Харків, 1996. – 32 с.
38. Лефевр В. Рефлексия / В. Лефевр. – М. : Когито-Центр, 2003. – 496 с.
39. Шедяков В. Изменение роли, методологии и ресурсных баз научной рефлексии как фактора реализации и использования ценностно-смысловых комплексов в информационных обменах стратегического уровня / В. Шедяков // Гілея. – 2015. – Вип. 92 (1). – С. 174–183.